

При лунном свете Су Вэньюнь открыл дверь, смерил Тан Шэня взглядом с ног до головы, потянул носом и с полуулыбкой спросил:

— Господин Тан пил вино?

Тан Шэнь холодно ответил:

— Подчиненный Тан Шэнь приветствует вас, Су Вэньюнь. Вчера вечером Су Вэньюнь специально искал меня и намекнул, в каком дворе остановился, поэтому сегодня я, избегая чужих глаз, пришел к вам.

Су Вэньюнь не стал больше иронизировать и отступил в сторону:

— Я уже отозвал всех людей из окрестностей этого двора. Входи, поговорим в комнате.

Тан Шэнь шагнул внутрь.

Дверь закрылась, и оба героя стали предельно суровыми.

Су Вэньюнь, о котором Линь Сюй днем отозвался как о «целыми днями ничем не занятом», на этот раз произнес решительно и твердо:

— Используем Приказ серебряных ассигнаций как предлог, чтобы проникнуть в Ляо через торговлю!

Тридцать первый год эпохи Кайпин, третий месяц.

С позапрошлого года Вдовствующая императрица тяжело болела и долгие месяцы не могла подняться с постели. В Новый год её состояние ненадолго улучшилось. Чжао Фу тогда несказанно обрадовался и щедро одарил лекарей из императорской лечебницы. Однако кто мог подумать, что это было лишь предсмертным прояснением. К третьему месяцу болезнь снова одолела Вдовствующую императрицу, и девятнадцатого числа она скончалась.

Когда Вдовствующая императрица покинула этот мир, Чжао Фу находился на Террасе Восхождения к Бессмертным, предаваясь даосским практикам.

Во время практик Чжао Фу никому не позволял беспокоить себя. С самого момента постройки Террасы Восхождения к Бессмертным, помимо нескольких сановников первого ранга и военачальников, туда ступали лишь единицы, среди которых был Ван Чжэнь.

В тот день Чжао Фу сидел, скрестив ноги, в самом центре среди неугасимых лампады, управляя дыханием и циркуляцией энергии. За пределами Террасы Восхождения к Бессмертным под покровом ночи спешно бежал евнух с метелкой. Маленький евнух, стоявший на страже у входа, пригляделся и ахнул: прибежавшим оказался не кто иной, как Ван Ци, главный евнух Дворца Яньфу.

В такой момент было не до докладов. Ван Ци ворвался прямо на Террасу Восхождения к Бессмертным и сорванным от паники голосом закричал:

— Его Величество, Его Величество, Вдовствующая императрица не может подняться!

Чжао Фу открыл глаза, сперва бросил взгляд на Ван Ци, затем стремительно поднялся и

поспешил во Дворец Яньфу.

Император провел во Дворце Яньфу всю ночь. Ещё до рассвета Вдовствующая императрица окончательно испустила последний вдох. Чжао Фу сжимал её руку и ошеломленно смотрел на эту иссохшую, словно скелет, старуху, лежащую на ложе. Во Дворце Яньфу раздался плач: искренне или притворно, но абсолютно все евнухи и дворцовые служанки со слезами пали на колени.

Сам Чжао Фу не плакал. Он лишь непрерывно смотрел на Вдовствующую императрицу.

Спустя почти полчаса, когда у слуг и евнухов уже не осталось слез, Чжао Фу протянул руку и подозвал Цзи Фу.

— Вдовствующая императрица ушла? — заговорил император хриплым голосом.

Прослужив Чжао Фу столько лет, Цзи Фу был глубоко тронут, видя его в таком состоянии. Сквозь слезы он произнес:

— Государь, Вдовствующая императрица скончалась.

Чжао Фу судорожно втянул воздух, после чего горько зарыдал.

В ту же ночь во дворце раздался траурный звон. Глухой колокольный гул сотрясал небо — колокол пробил ровно восемь раз.

Шестого князя Чжао Ао срочно призвали во дворец. Войдя во Дворец Яньфу, он увидел, что там уже не осталось ни евнухов, ни служанок — лишь один Чжао Фу сидел подле почившей Вдовствующей императрицы. Увидев мать, Чжао Ао мгновенно покраснел глазами — ведь она была и его родной матерью!

— Матушка-императрица!

В связи со смертью Вдовствующей императрицы во всей стране был объявлен траур, а утренние аудиенции отменили на пять дней.

Все чиновники облачились в траурные одежды из мешковины, вознося молитвы за Вдовствующую императрицу. Император же остался во Дворце Яньфу, переписывая по памяти священные сутры. Князь Цзин Чжао Ао был единственным оставшимся в живых князем и родным братом Чжао Фу. Он остался вместе с Чжао Фу во дворце, чтобы помогать ему переписывать сутры.

Наступила ночь. Чжао Фу, не сдержав усталости, уснул первым. Проснувшись среди ночи, он увидел, что Чжао Ао всё ещё склонился над письменным столом, переписывая тексты.

Чжао Фу долго наблюдал за ним со стороны. Чжао Ао ощутил его взгляд и обернулся. Князь Цзин тут же поднялся и поклонился:

— Приветствую тебя, венценосный брат.

Чжао Фу отмахнулся:

— К чему эти условности.

Глаза Чжао Ао увлажнились:

— Братец...

Чжао Фу придвинул стул к письменному столу Чжао Ао. Он уже очень давно не разговаривал с ним так по-простому и тепло. Он начал вспоминать события из их детства, большинство из которых были связаны с Вдовствующей императрицей.

Чжао Фу заговорил:

— Императрица Сяоцзин в то время пользовалась безграничной любовью покойного императора. Ты, пожалуй, и не знаешь, но в ночь, когда матушка рожала тебя, она сперва послала за покойным императором. Но у императрицы Сяоцзин неожиданно началась простуда и недомогание, и покойный император отправился к ней во Дворец Циннин. Матушка к тому моменту растратила все силы и уже не могла родить тебя, но, услышав об этом от служанок, неведомо откуда почерпнула новые силы и произвела тебя на свет.

Чжао Ао произнес:

— Императрица Сяоцзин относилась к нам обоим невероятно хорошо... Братец, я и не знал, что произошла такая история.

Чжао Фу усмехнулся:

— Дело вовсе не в императрице Сяоцзин. Каким человеком был покойный император, ты разве сам не знаешь?

Чжао Ао опустил голову и промолчал.

Чжао Фу смел порочить покойного императора, но он сам не смел этого делать, ведь он не был императором.

Чжао Фу продолжил:

— Помнишь, когда тебе было шесть лет, а Мне девять, Чжао Сюань взял нас двоих на охоту в окрестности столицы?

Услышав это имя, Чжао Ао дрогнул веками и затаил дыхание.

— Чжао Сюань добыл для Меня олененка, а для тебя — зайчонка. Теперь, оглядываясь назад, Я понимаю, что покойный император любил Чжао Сюаня неспроста: тот был единственным сыном императрицы Сяоцзин, к тому же был умен, проницателен и обладал такой силой, что уже в двенадцать лет мог натянуть лук в пять пикулей. В те дни ты без конца ходил за ним по пятам и звал «братцем-наследником», будто позабыв, что твой родной брат — Я.

Чжао Ао в ужасе вскочил со своего места, едва не рухнув на колени, и дрожащим голосом проговорил:

— Ваш подданный и брат никогда о подобном даже не помышлял!

Чжао Фу, глядя на его испуганный вид, лишь протянул руку и со смешком сказал:

— Эй, сядь, чересчур ты перепугался. В то время кто бы не любил Чжао Сюаня? Я и сам его любил. Я точно так же, как и ты, изо дня в день дежурил у дверей дворца Ханьсян, день и ночь всматриваясь на запад и гадая, когда же Чжао Сюань придет из Дворца Циннин и возьмет Меня играть.

Чжао Ао растерялся. Чжао Фу, смотря на него, ощущал в душе презрение, смешанное с тихой грустью.

Ему неожиданно стало нечего сказать Чжао Ао.

У него было так много невысказанного, но из тех братьев, что были у него когда-то, одних он собственноручно застрелил и пригвоздил к воротам Врат Сюанью, другим устроил «тяжелую болезнь», от которой они испустили дух на одре. Чжао Ао же был глуп — настолько глуп, что ему даже не хотелось плести козни против этого бестолкового брата. Но теперь, когда ушла и Вдовствующая императрица, у него остался один только Чжао Ао.

Если бы Вдовствующая императрица была еще жива, что бы она сказала ему, услышав его сегодняшние слова?

Чжао Фу ненадолго задумался.

Спустя некоторое время он поднялся и равнодушно произнес:

— Продолжай переписывать сутры.

Именно такой император был Чжао Ао наиболее знаком. Он облегченно выдохнул, утер пот со лба и почтительно ответил:

— Слушаюсь.

Во дворце разносился тихий плач. Наложницы горько рыдали по Вдовствующей императрице, евнухи и служанки тоже всхлипывали.

За пределами дворца чиновники также облачились в траурные одежды, скорбя о Вдовствующей императрице.

В Усадьбе Левого канцлера Левый канцлер Цзи Вэнцзи внимательно перечитывал письмо. Вскоре госпожа Цзи принесла в кабинет горячий наваристый суп. Цзи Вэнцзи и его супруга переглянулись и улыбнулись друг другу.

Цзи Вэнцзи сжал огрубевшую руку жены и с улыбкой сказал:

— Ты устала, супруга.

Госпожа Цзи мягко спросила:

— Это письмо от Бо'аня?

— Да, письмо от Бо'аня. Как только он прибыл в Циньчжоу, сразу слег с простудой, болезненный приступ то отступал, то возвращался, и только сейчас он поправился. Вот и прислал весточку, чтобы я не тревожился, — сказал Цзи Вэнцзи. — Ступай спать, не переутомляйся.

Госпожа Цзи ответила:

— Мне тоже отчего-то не спится. В прошлом году я вместе с другими знатными дамами бывала во дворце на аудиенции у Вдовствующей императрицы. Она была столь добра и приветлива, относилась к нам с такой теплотой... Кто мог подумать, что не пройдет и года, как Вдовствующей императрицы не станет.

Цзи Вэнцзи произнес:

— Кое-кто сейчас спит ещё хуже тебя.

Госпожа Цзи удивилась:

— О?

На старом лице Цзи Вэнцзи появилось загадочное выражение. Госпожа Цзи, едва увидела его, поняла: муж снова хочет пошутить над ней. Она словно превратилась в ту шестнадцатилетнюю девушку, кокетливо прильнула к плечу Цзи Вэнцзи и тихо спросила:

— Ну так скажешь или нет?

Цзи Вэнцзи так и не ответил. Он неспешно проговорил:

— Когда человек совершает поступки — будь то благие дела или злодеяния — больше всего он боится не того, что о них узнают все вокруг, а того, что не останется больше никого, кто пережил эти события вместе с ним.

Госпожа Цзи слушала его, ничего не понимая.

Цзи Вэнцзи тяжело вздохнул:

— Вглядываясь ночью в звёзды, я чувствую, что через несколько дней утренние аудиенции снова отменят. Супруга, тебе придется приготовить еду на эти дни.

Император соблюдал траур по Вдовствующей императрице, поэтому утренние аудиенции отменили на пять дней. Кто же мог подумать, что по прошествии этих пяти дней Чжао Фу от глубоких переживаний тоже заболит?

В итоге этот «перерыв в делах» затянулся на целых полмесяца.

Тан Шэнь находился далеко в Ючжоу и, разумеется, ничего из этого не знал. Впрочем, кончина Вдовствующей императрицы отразилась и на местных чиновниках: изначально Цзи Чжаосы собирался устроить пир, чтобы принять Тан Шэня и Су Вэньюня, но из-за внезапной смерти Вдовствующей императрицы кто из чиновников Великой Сун осмелился бы устраивать празднество?

Лишь в четвёртом месяце Цзи Чжаосы смог устроить в усадьбе приём в честь Су Вэньюня и Тан Шэня.

<http://bllate.org/book/18292/1757331>